

ГЕНРИХ БЁЛЛЬ

ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ С ДАМОЙ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Б43

Серия «Эксклюзивная классика»

Heinrich Böll

GRUPPENBILD MIT DAME

Originally published in the German language as «Gruppenbild mit Dame» by Heinrich Böll

Перевод с немецкого *Е. Михелевич*

Стихи в переводе *В. Микушевича*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения издательства

Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG, Gologne/
Germany

Бёлль, Генрих.

Б43 Групповой портрет с дамой : [роман] / Генрих Бёлль ; [пер. с нем. Е. Михелевич]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 544 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-116185-9

Книга, после которой Бёлль был удостоен Нобелевской премии.

Книга с интереснейшей композицией — ведь о главной героине мы узнаем только со слов ее знакомых, друзей и врагов.

Книга на стыке жанров — ведь этот роман скорее напоминает личное дело.

Итак, знакомьтесь: Лени Пфайфер (урожденная Груйтен) — «самая немецкая девочка в школе», «любительница пения, кино и танцев» и «глупая гусыня».

Странная женщина с чудаковатыми манерами и привычками, словно специально старающаяся нарушить все общепризнанные правила. Вся жизнь Лени — вызов окружающим, а ее непростая судьба — отражение эпохи военной и послевоенной Германии. Так кто же она на самом деле: грешница или святая, способная творить чудеса?

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

© Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG,
Gologne/Germany, 1971, 1987, 2005

© Текст, перевод. Е. Михелевич, наследники, 2019

© Стихотворения, перевод. В. Микушевич, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-116185-9

I

Главным действующим лицом первой части является женщина сорока восьми лет, немка; ее рост — один метр семьдесят один сантиметр, вес — шестьдесят восемь восемьсот (в домашнем платье), стало быть, всего на триста-четыреста граммов меньше идеального; цвет ее глаз меняется от темно-синего до черного; прямые, очень густые, светлые с легкой проседью волосы свободно свисают до плеч и обрамляют ее лицо наподобие шлема. Зовут эту женщину Лени Пфайфер, в девичестве — Груйтен; в течение тридцати двух лет — естественно, с перерывами — она была винтиком того странного механизма, который называют трудовым процессом: работала пять лет — без специального образования — помощницей в конторе своего отца и двадцать семь — простой работницей в садоводстве. В годы инфляции легкомысленно отдав в другие руки значительную недвижимость — солидный доходный дом, расположенный в новом районе города и нынче стоящий никак не меньше четырехсот тысяч марок, она в общем-то лишила себя средств к существованию с тех пор, как бросила работу без всяких видимых причин — не по болезни и не по старости. Поскольку в 1941 году Лени Пфайфер в течение трех дней была женой кадрового унтер-офицера германского вермахта, она получает, как вдова фронтовика, государственную

пенсию, к которой в будущем прибавится еще и пособие из общественных фондов. Можно, пожалуй, утверждать, что в настоящее время дела у Лени обстоят из рук вон плохо — и не только в финансовом отношении, — особенно с тех пор, как ее любимый сын угодил за решетку.

Если бы Лени носила более короткую стрижку и слегка подкрашивала волосы «под седину», она производила бы впечатление хорошо сохранившейся сорокалетней женщины; а с длинными волосами контраст между молодежной стрижкой и уже слегка увядшим лицом слишком велик, так что на вид Лени можно дать под пятьдесят; это ее подлинный возраст, и все же внешность несколько поблекшей блондинки дает Лени шанс, которым ей не следовало бы пренебрегать: шанс казаться женщиной, которая ведет — или хочет вести — легкую жизнь, что в корне неверно. Лени — одна из редких женщин ее возраста, которая вполне могла бы себе позволить носить мини-юбку: на ее ногах нет ни расширенных вен, ни дряблости. Однако Лени придерживается той длины юбок, какая была в моде примерно в 1942 году, — главным образом потому, что она донашивает старые юбки; блузки и жакеты она предпочитает пуловерам, поскольку считает, и не без основания, что они будут слишком обтягивать ее грудь. Что же касается пальто и обуви, то она все еще обходится запасами хороших или хорошо сохранившихся вещей, которые приобрела в юности, в те годы, когда ее родители были состоятельными людьми. Лени носит пальто из буклированного серо-розового, зеленовато-голубого, черно-белого и светло-голубого (одноцветного) твида, а если считает, что головной убор необходим, повязывает голову платком; туфли у нее такие, какие

в 1935—1939 годах покупали люди при деньгах, считая, что им «нет сносу».

Поскольку Лени в настоящее время лишена постоянного мужского покровительства и поддержки, она пребывает в глубоком заблуждении относительно своей прически; виновато в этом зеркало, старое зеркало, купленное еще в 1894 году, которое, на ее несчастье, пережило две мировые войны. Лени никогда не ходит ни в парикмахерскую, ни в супермаркет с огромными зеркалами, покупки она делает в небольшом магазинчике, который вскоре неминуемо прикроется из-за сдвигов в структуре торговли; поэтому Лени целиком и полностью полагается на это зеркало, о котором еще ее бабушка Герта Баркель, урожд. Хольм, говорила, что оно слишком уж льстит; Лени пользуется зеркалом очень часто. Прическа Лени — одна из причин постигших ее бед, но сама Лени об этом не подозревает. Зато она в полной мере ощущает, как ухудшается отношение к ней соседей — живущих как в ее доме, так и в близлежащих. За последние месяцы Лени посетило много мужчин; то были: посыльные из кредитных контор, вручившие ей строжайшие предупреждения, поскольку напоминания кредиторов она оставляла без внимания; судебные исполнители; курьеры от адвоката и, наконец, помощники судебных исполнителей, забравшие вещи после описи имущества. А так как Лени, кроме того, сдает три меблированные комнаты жильцам, которые время от времени меняются, к ней приходило, естественно, и много молодых мужчин, желавших снять комнату. Некоторые из этих мужчин пытались приставать к ней — разумеется, безуспешно; общеизвестно, однако, что именно неудачливые ухажеры имеют обыкновение хвастаться своими успехами у женщин, так что легко догадаться, как быстро была подорвана репутация Лени.

Авт. не имеет возможности ознакомиться со всеми деталями физиологической, духовной и интимной жизни Лени, однако он сделал все, абсолютно все от него зависящее, дабы выяснить о Лени то, что называется фактической информацией (лица, предоставившие ее в распоряжение авт., будут даже поименно упомянуты в соответствующих местах текста!); таким образом, все, о чем сообщается, можно считать достоверным с вероятностью, граничащей с полной уверенностью. Лени — натура молчаливая и скрытная, и раз уж названы эти две черты ее характера, уместно будет упомянуть еще две: Лени не способна ни таить злобу, ни раскаиваться, она не раскаивается даже в том, что не оплакивала смерть своего первого мужа. Ее полная неспособность к раскаянию исключает употребление степеней сравнения — «больше» или «меньше»; вероятно, она просто не знает, что такое раскаяние; в этом отношении — как и в некоторых других — ее религиозное воспитание оказалось безрезультатным или может быть сочтено таковым, что, вероятно, пошло ей только на пользу.

Из свидетельств осведомленных лиц однозначно вытекает, что Лени больше не понимает этот мир и сомневается, понимала ли она его когда-либо; она не может постичь враждебности окружающих, не понимает, почему люди так против нее настроены и так дурно к ней относятся; она никому не делала и не сделала ничего плохого, в том числе и им; в последнее время, когда она выходит из дома, чтобы купить самое необходимое, над ней открыто смеются, а такие выкрики, как «дрянь» или «рваная подстилка», являются еще самыми безобидными. Не стесняются даже прибегать к ругательствам, поводом к которым были события тридцатилетней давности: «коммунистическая

шлюха» или «русская подстилка». Лени на оскорбления не отвечает. И уже привыкла слышать за своей спиной «дрянь». Поэтому ее считают бесчувственной или даже твердокаменной; и то и другое неверно. Согласно надежным показаниям (свидетельница Мария ван Дорн), Лени часами сидит дома и плачет, ее конъюнктивальные мешочки и протоки слезных желез работают довольно активно. Даже соседских детей, с которыми у нее до последнего времени отношения были вполне дружеские, натравливают против нее, и те кричат ей вслед слова, которых ни они, ни Лени, в сущности, не понимают. При этом, исходя из подробных и исчерпывающих свидетельских показаний, почерпнутых из всех, буквально всех источников, можно утверждать с вероятностью, граничащей с полной уверенностью, что Лени за всю свою жизнь сожительствовала с мужчинами в общем и целом раз двадцать пять: дважды с Алоисом Пфайфером, с которым была обвенчана (один раз до и один раз во время брака, продлившегося всего три дня), а остальные — с человеком, за которого даже вышла бы замуж, если бы обстоятельства того времени позволили ей это сделать. Спустя несколько минут после того, как сама Лени появится в нашем повествовании (это случится еще не скоро), она впервые сделает то, что можно было бы назвать ошибкой: она снизойдет к мольбам одного турецкого рабочего, который, стоя на коленях, будет просить ее на своем непонятном ей языке о благосклонности, и сделает она это лишь потому — надо сразу об этом сказать, — что не выносит, когда кто-то стоит перед ней на коленях (само собой разумеется, что сама она не способна ни о чем просить на коленях). К сказанному следует, вероятно, добавить, что Лени — круглая сирота и имеет несколько свойственников, которые ей неприятны,

и несколько менее неприятных кровных или прямых родственников в деревне, а также сына двадцати пяти лет, носящего ее девичью фамилию и в настоящее время находящегося в тюрьме. Стоит упомянуть также одну особенность ее фигуры, — быть может, в какой-то степени объясняющую назойливость мужских притязаний к ней.

Грудь у Лени необычайно притягательна, женщину с такой грудью, безусловно, нежно любили, а ее грудь воспевали в стихах. Соседям больше всего хотелось отделаться или избавиться от Лени; ей даже кричали вслед: «Проваливай отсюда!» или: «Чтоб ты провалилась!»; из достоверных источников известно также, что иногда раздаются требования отправить ее в душегубку; авт. ручается, что такое желание высказывалось, но не знает, имеется ли возможность его осуществления; он может лишь добавить, что желание это выражалось достаточно энергично.

О повседневных привычках Лени нужно сообщить еще несколько деталей: она любит покушать, но ест немного; главная еда у нее за завтраком: утром она непременно съедает две свежайшие булочки, одно свежее яйцо всмятку, немного масла, одну-две столовые ложки джема (точнее: сливового пюре того сорта, который в других странах называют повидлом), выпивает чашку крепкого кофе с горячим молоком и очень небольшим количеством сахара; к следующему приему пищи, называемому обедом, она испытывает меньший интерес: супа и немного десерта ей вполне достаточно; на ужин она не ест ничего горячего — два-три ломтика хлеба, немного салата и, если средства позволяют, колбасу или холодное мясо. Но главное значение для Лени имеют свежие булочки, которые она, отказавшись от

доставки на дом, выбирает собственноручно — естественно, не трогая их руками и оценивая лишь по виду; ничто не внушает ей большего отвращения — во всяком случае, из еды, — чем неаппетитные булочки. И вот ради булочек, а также потому, что завтрак — ее главная трапеза, она и отправляется каждое утро в гущу людей, мирясь с оскорблениями, обидными выкриками и грубыми ругательствами в свой адрес.

Что касается курения, то надо сказать, что Лени курит с семнадцати лет, обычно не больше восьми сигарет в день, чаще даже меньше; в войну она временами воздерживалась от курения, чтобы припасти сигареты для человека, которого любила (не своего мужа!). Лени относится к той категории людей, которые не прочь иногда выпить рюмку-другую вина, но никогда не пьют больше, чем полбутылки; при соответствующей погоде она позволяет себе иногда рюмочку шнапса, а при соответствующем настроении и наличии денег — бокал шерри. Прочие сведения: у Лени имеются водительские права с 1939 года (получены по особому разрешению при обстоятельствах, о которых подробнее будет сказано ниже), но уже с 1943 года машины у нее нет. Водила она ее охотно, даже можно сказать — со страстью.

Лени все еще живет в том доме, в котором родилась. Ее квартал по необъяснимым причинам не пострадал от бомбежек, — во всяком случае, не слишком пострадал; он был разрушен всего на 35%, то есть судьба обошлась с ним милостиво. Недавно с Лени произошло нечто такое, что даже заставило ее разговориться: при первой же возможности она поделилась пережитым со своей закадычной подругой и главным доверенным лицом, которая и для авт. является главным источником

информации, причем голос Лени от волнения дрожал: утром, когда она, идя за булочками, переходила улицу, ступня ее правой ноги ощутила небольшую выбоину в брусчатке, которой была вымощена проезжая часть; на эту выбоину ее нога наткнулась в последний раз сорок лет назад, когда Лени прыгала там с другими девочками; вероятно, кусочек брусчатки нечаянно отбил каменщик, когда мостили улицу в 1894 году. Нога Лени тут же передала сигнал в мозг, откуда он проследовал во все органы чувств и эмоциональные центры, а поскольку Лени — человек необычайно чувственный и у нее все, абсолютно все немедленно приобретает эротическую окраску, то от умиления, печали, нахлынувших воспоминаний и общей взволнованности она пережила такое состояние, которое в теологических словарях обозначается термином «абсолютное чувственное удовлетворение», хотя в виду там имеется нечто совсем иное; примитивные эротологи и сексотеологические догматики, огрубляя и схематизируя, называют это состояние оргазмом.

Чтобы не создалось впечатление, будто Лени совсем одинока, надо назвать всех ее друзей, из которых большинство делили с ней радость, а двое — и радость и горе. Причина ее одиночества — только в ее молчаливости и замкнутости; можно назвать ее даже скрытной; она действительно очень редко «изливает душу» даже перед своими давнишними подругами: Маргарет Шлемер, урожд. Цайст, и Лоттой Хойзер, урожд. Бернтген, которые оставались с Лени, когда дела ее были совсем уж плохи. Маргарет — сверстница Лени, как и Лени, она овдовела, однако эта похожесть может привести к неправильному пониманию. У Маргарет было много связей с мужчинами по причинам, о коих

будет сказано ниже, но никогда по расчету, хотя временами — когда ей приходилось особенно туго — она и брала с них деньги; и все же лучше всего Маргарет характеризует тот факт, что ее единственной любовной связью по расчету был брак с человеком, за которого она вышла восемнадцати лет; именно тогда она сказала Лени единственную достойную шлюхи и бесспорную фразу (это случилось в 1940 году): «Я подцепила одного богатого малого, которому приспичило пойти со мной под венец». В настоящее время Маргарет лежит в больнице, в боксе, у нее какая-то страшная венерическая болезнь, вероятно неизлечимая; она сама говорит про себя, что «прогнила насквозь», — вся ее эндокринная система нарушена, разговаривать с ней можно только через стеклянную перегородку, и она рада любой пачке сигарет и бутылочке шнапса, которые ей приносят, даже если это самая маленькая бутылочка, какая только есть в продаже, а шнапс — самый дешевый. Ее эндокринная система разрушена до такой степени, что, по ее словам, «она бы не удивилась, если бы у нее вместо слез из глаз полилась моча». Она рада любому наркотику, будь то морфий, опиум или гашиш.

Больница расположена за городом, на природе, и состоит из разбросанных среди зелени коттеджей. Чтобы попасть к Маргарет, авт. пришлось прибегнуть к различным предосудительным приемам, как-то: подкупу и мошенничеству, выразившемуся в незаконном присвоении функций должностного лица (он выдал себя за доцента по социологии и психологии проститутки!).

Несколько забегая вперед, нужно добавить, что Маргарет «сама по себе» куда менее чувствительна, чем Лени; Маргарет погубила не жажда страстных любовных ласк, а то обстоятельство, что другие очень жаж-

дали получить от нее эти ласки, кои она по своей натуре была склонна щедро расточать; дальше мы еще вернемся к этому. Ясно, во всяком случае, одно: Лени страдает, Маргарет страдает.

«Сама по себе» не страдает, а страдает только потому, что страдает Лени, которую она действительно очень любит, уже упомянутая выше женщина по имени Мария ван Доорн, семидесяти лет, некогда служанка в доме Груйтенгов, родителей Лени: теперь она уединенно живет в деревне, где инвалидная пенсия, огород и несколько фруктовых деревьев, а также десяток кур и определенная доля доходов от свиней и телят, которых она помогает откармливать, обеспечивают ей мало-мальски спокойную старость. Мария делила с Лени только радость и отдалилась от нее, когда «горестей навалилось слишком уж много», по причинам — это нужно особо подчеркнуть — отнюдь не морального, а, как это ни странно, национального свойства. У Марии, вероятно, еще пятнадцать-двадцать лет назад «душа была на подобающем месте»; но за истекшие годы этот излишне перевозносимый «орган» если не пропал вовсе, то переместился куда-то значительно ниже, не «в пятки», конечно, трусливой она никогда не была; Мария возмущена тем, что травят ее Лени, которую она в самом деле хорошо знает, наверняка намного лучше, чем ее знал мужчина, фамилию которого та носит. Как-никак, Мария ван Доорн прожила в доме Груйтенгов с 1920 по 1960 год, при ней Лени появилась на свет, на ее глазах прошла вся жизнь Лени со всеми ее перипетиями; она готова вновь вернуться к Лени, но покамест еще прилагает всю свою (довольно-таки значительную) энергию к тому, чтобы уговорить Лени переехать к ней в деревню. Она в ужасе от того, что происходит вокруг Лени и что ей угрожает, и даже го-

това поверить в зверства, некогда совершенные ее соотечественниками, которые доныне не то чтобы вовсе отрицала, но считала маловероятными, принимая во внимание их масштабы.

Особое место среди лиц, снабжающих авт. информацией, занимает музыкальный критик доктор Хервег Ширтенштайн; уже сорок лет он живет в задних комнатах квартиры, которая восемьдесят лет назад считалась бы роскошной, но уже после Первой мировой войны утратила свой былой блеск и была поделена; благодаря тому, что его окна в бельэтаже выходят в тот же двор, что и выходящие во двор окна квартиры Лени, расположенной в соседнем доме, он имел возможность в течение десятилетий внимательно следить за тем, как Лени играла на рояле сначала простые упражнения, затем более сложные, а позже достигла даже некоторого мастерства; при этом он так и не узнал, что играет на рояле именно Лени; хотя в лицо он ее и знает — за сорок лет не раз встречался с ней на улице (даже весьма вероятно, что наблюдал за Лени, когда она еще прыгала во дворе вместе с другими девочками, поскольку он очень интересуется детскими играми и защитил диссертацию на тему «Музыка в детской игре»); а так как он еще и неравнодушен к женским прелестям, то, конечно же, за эти годы не мог не заметить, как менялся облик Лени, и не раз одобрительно кивал головой ей вслед, а возможно, даже питал насчет нее какие-то тайные надежды; и все же нужно заметить, что он не имел на Лени серьезных видов, поскольку считал ее — по сравнению с другими женщинами, с которыми Ширтенштайн бывал близок, — «чуть-чуть вульгарной». Если бы он знал, что это именно Лени после нескольких лет ученических экзерсисов научилась так мастер-

ски исполнять, правда, всего два опуса, Шуберта, что Ширтенштайну за десять лет не наскучило их слушать, он, скорее всего, изменил бы свое мнение о Лени — он, которого сама Моника Хаас не только боялась, но и уважала. К Ширтенштайну, который позже неумышленно вступит с Лени в эротическую связь не то чтобы телепатического, а скорее всего, лишь телечувственно-го характера, мы еще вернемся. Справедливости ради следует сказать, что Ширтенштайн готов был бы делить с Лени не только радость, но и горе, однако такой случай ему не представился.

Сообщить о родителях Лени довольно много, о душевных переживаниях Лени весьма мало, о внешней стороне жизни Лени почти все могло еще одно информированное лицо: восьмидесятипятилетний старик Отто Хойзер, бывший главный бухгалтер, двадцать лет назад вышедший на пенсию и проживающий ныне в комфортабельном доме для престарелых, сочетающем в себе преимущества роскошного отеля и дорогого санатория. Он весьма регулярно навещает Лени, или же она сама наносит ему визит.

Кладезем достоверных свидетельств является его невестка Лотта Хойзер, урожд. Бернтген; менее достоверные источники информации — ее сыновья Вернер и Курт, достигшие к настоящему времени тридцати пяти и, соотв., тридцати лет. Лотта Хойзер настолько же надежна, насколько озлобленна, однако ее озлобленность не была направлена на Лени; Лотте пятьдесят семь лет, она, как и Лени, вдова фронтовика, конторская служащая.

Не считаясь ни с чем, в том числе и с кровными узами, связывающими ее со свекром (см. выше) и с младшим сыном Куртом, Лотта Хойзер называет их обоих гангстерами, обвиняя чуть ли не их одних в том,

что Лени теперь оказалась в таком отчаянном положении: «только недавно узнала такие вещи, сообщить которые Лени у меня попросту духу не хватает, потому что я и сама их никак не переварю. Это просто уму непостижимо». Лотта живет в двухкомнатной квартире с кухней и ванной в центре города, за которую платит примерно треть своего месячного жалования. Она подумывает о том, чтобы переехать обратно к Лени, — из симпатии к ней, а также для того, чтобы, как она добавляет с угрозой (кому она грозит, остается нам пока неизвестным), «поглядеть, выбросят ли они на улицу заодно и меня. Боюсь, что с них станется». Лотта служит в каком-то профсоюзе — «не по убеждению (добавляет она по собственной инициативе), а только потому, что надо же что-то жрать и как-то жить».

Кроме упомянутых имеется еще несколько свидетелей, — может быть, не менее важных: ученый-славист доктор Шольсдорф, вошедший в жизнь Лени в результате сплетения или сложного переплетения обстоятельств; это переплетение будет впоследствии объяснено, несмотря на всю его сложность. В результате разномасштабных событий, которые также будут описаны авт. в соответствующем месте, Шольсдорф достиг высоких постов в финансовых органах; он собирается подвести черту под этой карьерой, досрочно уйдя на пенсию.

Еще один ученый-славист, доктор Хенгес, играет в общем-то второстепенную роль; как источник информации он весьма сомнителен, и не только сам сознает свою сомнительность в этом качестве, но, я бы сказал, даже подчеркивает ее чуть ли не с радостью. Он называет себя человеком «абсолютно разложившимся», каковой характеристикой авт. не хотел бы воспользо-